

НОВГОРОДСКИЙ РАЗГРОМ

Выстроенный подле Кремля опричный замок недолго был царской резиденцией. Из-за раздора с митрополитом Грозный покинул столицу и переселился в Александровскую слободу, затерянную среди густых лесов и болот. Там он жил затворником за прочными и высокими стенами вновь выстроенного «града». Подступы к Слободе охраняла усиленная стража. Никто не мог проникнуть в царскую резиденцию без специального пропуска — «памяти». Вместе с Иваном IV в Слободе обосновалась вся опричная дума. Там «крошечники» принимали иностранных послов и вершили важнейшие дела, а в свободное от службы время монашествовали.

Перемены в московском правлении были разительными, и царские дипломаты получили приказ объяснить иноземцам, что русский царь уехал в «село» по своей воле «для своего прохладу», что его резиденция в «селе» расположена вблизи Москвы, поэтому царь «государство свое правит [и] на Москве и в Слободе». В действительности Грозный не «прохлаждался», а прятался в Слободе, гонимый страхом перед боярской крамолой.

Во время очередного посещения Вологды Иван IV распорядился ускорить строительство опричной крепости и велел заложить верфи в ее окрестностях. Вологодские плотники с помощью английских мастеров приступили к строительству судов и барж, предназначенных для того, чтобы вывезти царскую сокровищницу в Соловки, откуда морской путь вел в Англию. Практические приготовления к отъезду за море были осу-

ществлены после того, как царь успешно завершил переговоры с послом Рандольфом о предоставлении его семье убежища в Англии.

Тщательно наблюдая за положением дел в стране, Грозный и его приспешники повсюду видели признаки надвигающейся беды. Царь был уверен, что лишь случай помог ему избежать литовского плена. Между тем король с помощью эмигрантов продолжал вести тайную войну против России. В начале 1569 г. немногочисленный литовский отряд при загадочных обстоятельствах захватил важный опорный пункт обороны на Северо-Западе — неприступную Изборскую крепость. Глухой ночью изменник Тетерин, переодевшись в опричную одежду, велел страже открыть ворота Изборска, «вопрошаясь опричниной». Воеводе Михаилу Морозову понадобилось полторы недели, чтобы принудить литовский гарнизон к сдаче. В Изборск прибыли опричные судьи. Они казнили нескольких приказных, а также двух псковичей как сообщников Тетерина. В Синодике им посвящена запись: «В изборском деле подъячих изборских: подъячего Семена Андреев Рубцов... Петра Лазарев; псковичей...»

Одновременно опричники обезглавили дьяков в ближайших к Изборску ливонских замках. Дьяки якобы были в заговоре с жителями Изборска и готовились сдать полякам Мариенбург, Тарваст и Феллин.

Казнь Федорова-Челяднина и низложение митрополита углубили политический кризис в стране. Опричное руководство с тревогой наблюдало за множившимися признаками смуты. 11 января 1569 г. гарнизон Изборска сдал неприступную крепость литовцам, а 21 января царь принял экстренные меры по укреплению опричнины. В государеву светлость были зачислены сразу два центральных уезда. Опричное войско должно было получить самые крупные за всю историю опричнины пополнения и по численности сравняться с новгородско-псковской «кованой ратью».

В молодости царь, по словам Курбского, излишне любил «писарей». После изборской измены самодержец, казалось бы,

утратил всякое доверие к приказной бюрократии. Изборск был пригородом Пскова, а потому под подозрением оказалась приказная администрация, а заодно и все население Пскова.

Исследователи обходят вниманием тот факт, что государев разгром Новгорода начался задолго до карательного похода опричников на этот город. Главным следствием розыска о сдаче Изборска было решение выселить всех неблагонадежных лиц из Пскова и Новгорода. Репрессии достигли неслыханного размаха. Согласно летописи, власти выселили 500 семей из Пскова и 150 семей из Новгорода. В изгнание отправились примерно 2000 или более горожан, считая женщин и детей. По численности населения Псков далеко уступал Новгороду. Но из Пскова было выселено втрое больше людей, чем из Новгорода. Это значит, что поначалу главным гнездом измены царь считал не Новгород, а Псков.

В чем обвинялись псковичи? Согласно черновику Описи архива Посольского приказа 1626 г., в царском архиве хранился «извет про пскович, всяких чинов людей, что они ссылались с литовским королем Жигимонтом». Изменники, по убеждению Грозного, хотели сдать Псков королю, как они сдали Изборск.

Иван нимало не сомневался, что литовцы сносились со Псковом, используя связи с Курбским. На вопрос, с кем боярин поддерживал дружбу, ответить было нетрудно. Царь имел возможность ознакомиться с письмом Курбского к старцу Васьяну из Псково-Печерского монастыря, написанным еще в бытность его в России. Боярин обращался к монахам как к единомышленникам. Среди общей лести самодержцу впервые пришлось услышать страшные обвинения. Князь Андрей писал, что Державный превратился в кровожадного зверя: «Свирепее зверей кровоядцов обретаются». Царь не мог расправиться с иноками в 1564 г., но несколько лет спустя он припомнил им дружбу с Курбским. Изменное дело, затронувшее первоначально исключительно приказных людей, стало обращаться острием против духовного чина.

Не позднее лета 1569 г. царь замыслил карательный поход на Псков и Новгород. Об этом решении знали несколько дове-

ренных советников. Один из них (видимо, Вяземский) выдал секрет Пимену. В новгородской церковной летописи появилась подробная запись от 9 июня 1569 г. с росписью «корму царю и государю великому князю ... коли с Москвы поедет в Великий Новгород, в свою отчину». Корм включал 10 коров, 100 баранов, 600 телег сена. Новгородцы готовили «корма» для царской свиты. Власти Новгорода, конечно же, знали о расследовании псковской измены. Но они надеялись, что гроза минует их самих.

Иван IV не смог осуществить планы карательного похода на Псков в 1569 г. по той причине, что в пределы России вторглись многочисленное войско турок-османов и Крымская орда.

Проведение первых репрессий против крамольных городов было возложено на земских воевод. После бегства Курбского и учреждения опричнины царь пожаловал боярский чин князю Петру Пронскому и назначил его наместником Ливонии, что свидетельствовало о полном доверии к нему опричной думы. Не позднее июня 1569 г. Пронский стал наместником Новгорода. Он подписывал грамоты вместе с дьяком Кузьмой Румянцевым. Вторым дьяком служил Андрей Безносов-Монастырев. Их руками были осуществлены выселения из Новгорода. В Пскове аналогичное поручение выполнили князь Юрий Токмаков и дьяк Юрий Сидоров. Малюта Скуратов оставался при особе государя в Москве, дело было поручено земской администрации.

На розыск об изборской измене повлияли сведения, полученные царем от послов, ездивших в Швецию. В 1569 г. там произошел переворот, в результате которого Эрик XIV был свергнут с престола. Шведские события усилили собственные страхи царя. Сходство ситуаций было разительным. Эрик XIV, по словам царских послов, казнил многих знатных дворян, после чего стал бояться «от своих бояр убивства». Опасаясь мятежа, он тайно просил царских послов взять его на Русь. Произошло это в то самое время, когда царь Иван втайне готовился бежать в Англию. Полученная в Вологде информация, по-видимому, повлияла на исход изборского следствия. Псков-

ские впечатления причудливо сплелись со шведскими в единое целое. Послы уведомили царя, что накануне мятежа Эрик XIV просил находившихся в Стокгольме русских послов «проводывать про стеколских людей про посадских измену, что оне хотят королю изменити, а город хотят здати королевичем», то есть королевским братьям. В конце концов измена стокгольмского посада погубила шведского короля.

Руководители сыскного ведомства опричнины использовали дипломатические донесения, чтобы пустить в ход террор. Они всячески поддерживали подозрения царя насчет того, что посадские люди Пскова и Новгорода готовы последовать примеру Стокгольма и поддержать любой антиправительственный мятеж. Роль мятежных шведских герцогов мог взять на себя князь Владимир Андреевич.

Подозрения и страхи по поводу изборских событий и шведские известия предрешили судьбу князя Владимира Андреевича. Царь вознамерился покончить раз и навсегда с опасностью мятежа со стороны брата. Такое решение выдвинуло перед Иваном некоторые проблемы морального порядка. В незапамятные времена церковь канонизировала Бориса и Глеба ради того, чтобы положить конец взаимному кровопролитию в княжеских семьях. Братоубийство считалось худшим преступлением, и царь не без колебаний решился на него. Прежние провинности князя Владимира казались, однако, недостаточными, чтобы оправдать осуждение его на смерть. Нужны были веские улики. Вскоре они нашлись. Опричные судьи сфабриковали версию о покушении князя Владимира на жизнь царя. Версия нисколько не соответствовала характерам действующих лиц и поражала своей нелепостью. Но современники, наблюдаяшие процедуру собственными глазами, замечают, что к расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи, что и обеспечило необходимый результат.

По случаю похода турок и татар на Астрахань князь Владимир был отослан с воинскими людьми в Нижний Новгород. Опричники задались целью доказать, будто опальный князь

замыслил отравить царя и всю его семью. Арестовав дворцового повара Моляву с сыновьями, они ездили в Нижний Новгород за белорыбицей для царского стола. Очевидно, повар принадлежал к опричной челяди царя. Слуг для дворца отбирали с исключительной тщательностью, проверяя их прошлое, родство их самих и их жен.

Трудно представить себе, чтобы Молява добровольно согласился дать Сыскному ведомству нужные показания. Скорее всего он не смог выдержать пыток. Повар и его сыновья признались, что вступили в преступный сговор с братом царя. При Моляве «найден» был порошок, объявленный ядом, и крупная сумма денег, якобы переданная ему Владимиром Андреевичем. Уже после расправы со Старицкими власти официально заявили о том, что князь Владимир с матерью хотели «испортить» государя и государевых детей. Инсценированное опричниками покушение на жизнь царя послужило предлогом для неслыханно жестоких гонений и погромов.

Грозный считал тетку душой всех интриг, направленных против него. Неудивительно, что он первым делом распорядился забрать Евфросинью Старицкую из Горицкого монастыря. Многолетняя семейная ссора разрешилась кровавым финалом. По-видимому, из-за отсутствия доказательств причастности Евфросиньи к нижегородскому заговору или желая избежать последних объяснений, Иван IV велел отравить опальную угарным газом в то время, как ее везли на речных стругах по Шексне в Слободу.

Князь Владимир в те же самые дни получил приказ покинуть Нижний Новгород и прибыть в Слободу. На последней ямской станции перед Слободой лагерь Владимира Андреевича был внезапно окружен опричными войсками. В шатер к удельному князю явились опричники Василий Грязной и Малюта Скуратов. Они объявили, что царь считает его не братом, но врагом. Князь Владимир был осужден на смерть. Из родственного лицемерия царь не пожелал прибегнуть к услугам палача и принудил брата к самоубийству. Безвольный Владимир, запуганный и сломленный морально, выпил кубок с ядом.

Вторым браком Владимир был женат на двоюродной сестре беглого боярина Курбского. Мстительный царь велел отравить ее вместе с девятилетней дочерью. Царь, однако, пощадил старших детей князя Владимира — наследника княжича Василия и двух дочерей от первого брака. Спустя некоторое время он вернул племяннику отцовский удел.

Записи Синодика опальных помогают воссоздать картину гибели Старицких во всех подробностях: «Молява повара, Ярыша Молявин, Костянтина царевичева огородника, Ивана Молявин брат ево, Левонтия Молявин, Антона Свиязев подьячей, Ларивона Ярыга и сына его Неустройства Бурков пушкари, с Коломны Еж рыболов... На Богане благоверного князя Володимера Андреевича со княгинеею да з дочерью, дьяка Якова Захаров».

Опричные следователи учитывали пробудившееся недоверие государя к дьякам и служителям приказов. С удельным князем убиты были не его бояре, а дьяк Василий Захаров-Гнильевский, повара, рыболовы и огородник из Дворцовых приказов, пушкари из Пушкарского ведомства.

Синодик показывает, что главные свидетели обвинения, повар Молява с сыновьями и рыболовы, были убиты до окончания суда над удельным князем. Источники, таким образом, опровергают версию опричников Таубе и Крузе, будто свидетели с самого начала вошли в тайный сговор с опричными судьями и их лишь для вида брали к пытке.

Дело об отравлении было для опричников счастливой находкой. Опричные судьи объединили это дело со следствием об изборской измене. Эта линия разрабатывалась по меньшей мере в течение года. Последний из «отравителей», Алексей Молявин, был казнен в Москве 25 июля 1570 г.

Синодик позволил обнаружить тот факт, что вместе с Молявой палачи казнили новгородского подьячего Антона Свиязева. В царском архиве хранилось «дело наугородцкое на подьячих на Онтоне Свиязева со товарищи, прислано из Новгорода по Павлове скаске Петрова с Васильем Степановым». Как видно, Свиязева погубил донос из земщины. Донос был

доставлен в опричнину земским дьяком Василием Степановым, казненным по новгородскому делу полгода спустя.

С самого начала новгородское дело окружено было глубокой тайной. Опричная дума приняла окончательное решение о походе на Псков и Новгород в декабре 1569 г. Царь созвал в Александровской слободе все опричное войнство и объявил ему весть о «великой измене» новгородцев. Не мешкая, войска двинулись к Новгороду.

Кровавый путь опричной армии запечатлен в документальных записях Синодика: «На заказе от Москвы 6 человек. В Клине Иона каменщик. Пскович с женами и детми на Медне 190 человек. В Торжку сожжен серебреник... пскович з женами и з детми 30 человек. Бежецкия пятины...»

Составители Синодика включили в текст подлинный отчет, или «сказку», Малюты Скуратова, руководившего карательной экспедицией. Запись сохранила грубый жаргон опричнины: «По Малютине скаске в ноугороцкой посылке Малюта отдал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отдалено 15 человек».

Когда Скуратов подвел итоги своих деяний и кто были его жертвы? Как повествуют Таубе и Крузе, в Торжке опричники перебили ливонских немцев, сидевших в одной из двух тюрем. Во второй тюрьме сидели пленные татары. Малюта явился туда и принялся казнить татар. Храбрый в расправах с безоружными людьми, палач спасовал перед натиском тюремных сидельцев, припрятавших ножи. Малюта был ранен.

По данным Шлихтинга, в Торжке и Твери опричники перебили 500 полочан, выселенных из Полоцка после завоевания города русскими. В массе это были православные белорусы, которые сами называли себя русскими людьми. В тюрьме Торжка содержались 19 пленных татар. Узнав о том, что произошло с полочанами, они решили дорого продать свою жизнь. Едва начались казни, татары напали на Малюту и ножами исполосовали ему живот, так что «из него выпали внутренности». Опричники тотчас послали за подкреплением к государю. Тот прислал опричных стрельцов, которые перестреляли

татар из-за ограды, окружавшей тюрьму. Раненый Скуратов поступил на излечение к доктору Арнульффу, который повсюду сопровождал царя. Шлихтинг получил сведения из первых рук — от доктора.

Данные Шлихтинга совпадают во всех подробностях с показаниями Синодика. В самом конце донесения указаны 15 человек, «отделанных из пищалей». Это и были татары, ранившие Малюту.

Сделанные наблюдения позволяют заново пересмотреть всю историю новгородского похода. Будучи тяжело ранен, Скуратов не мог дальше руководить экзекуциями. Следовательно, его отчет касался исключительно начального этапа экспедиции, на пространстве от Москвы до Твери и Торжка. Как это ни парадоксально, в ходе карательной «ноугородской посылки» Скуратов перебил больше народа, чем царь во время разгрома Новгорода и Пскова. Причина состояла в том, что царь на полгода опоздал с карательной экспедицией. За это время земские воеводы по приказу из Слободы составили списки всех неблагонадежных жителей Пскова, а также Новгорода и приступили к выселению их во внутренние области государства.

Псковский летописец не брался определять число погубленных псковичей, но горестно отметил, что царь приходил «со опалою опричиною» на Новгород и «многия люди погубил различными смертьми и муками во Твери и Торжку и во Пскове». По исчислению Таубе и Крузе, в Твери было перебито 9000 человек, но втрое больше умерло от голода, терзавшего округу. По-видимому, они преувеличили число жертв Малюты в десять раз. Власти выслали из Пскова и отчасти Новгорода до 2000 опальных псковичей и новгородцев. Опричное войско достигло переселенцев в пути и истребило, согласно отчету Скуратова, до 1000 человек, а вместе с полочанами — до 1500 людей.

В большинстве своем «отделанные» Малютой «изменники» принадлежали к посадским низам. Их имена опричников не интересовали.

Отдельный отряд обнаружил 190 псковичей в селе Медня под Тверью и перебил их. Самая трудная работа ждала пала-

чей в Торжке. Они должны были казнить в очень короткий срок много сотен людей. На помощь Малюте пришли другие отряды, перебившие в Торжке 30 псковичей с женами и детьми. Они показаны в Синодике отдельным списком.

Опричники не утруждали себя допросами и пытками, очными ставками, судебным разбирательством, так как не должны были задерживаться в пути. Земские власти готовили списки, имея в виду переселение заподозренных лиц внутрь государства. «Кромешники» решили покончить дело, истребив всех без разбора.

8 января 1570 г. царь с опричным войском прибыл в древний город. На Волховском мосту его встречало духовенство с крестами и иконами. Но торжество было испорчено с самого начала. Государь назвал местного архиепископа изменником и отказался принять от него благословение. Однако, будучи человеком благочестивым, Иван не пожелал пропустить службу. Церковники должны были служить обедню, невзирая на общее замешательство. После службы Пимен повел гостей в палаты «хлеба ясти». Коротким оказался этот невеселый пир. Возопив гласом великим «с яростью», царь велел страже схватить хозяина и ограбить его подворье и Софийский собор. В городе прошли повальные аресты. Опричники увезли арестованных в царский лагерь на Городище.

Последующие расправы описаны сходным образом в летописной новгородской «Повести о гибели Новгорода» и в немецком «листе» 1572 г.

Опричные судьи вели дознание с помощью жесточайших пыток. Согласно новгородскому источнику, опальных жгли на огне «некоею составною мукою огненной». Немецкий источник добавляет, что новгородцев «подвешивали за руки и поджигали у них на челе пламя». Оба источника утверждают, что замученных привязывали к саням длинной веревкой, волокли через весь город к Волхову и спускали под лед. Избивали не только подозреваемых в измене, но и членов их семей. С женами, как свидетельствует немецкий источник, расправлялись на

Волховском мосту. Связанных женщин и детей бросали в воду и заталкивали под лед палками.

В новгородских расправах ищут некий символический смысл, указывая «на весьма вероятную связь большинства опричных казней с эсхатологической идеей», с ожиданием Страшного Суда. Опальных бросали с моста в реку Волхов, и это был «основной способ умерщвления людей в Новгороде в январе 1570 г.». Мост через Волхов «был для царя символом наказания грешников». Большинство описанных опричных казней связано так или иначе с водной средой, знаменующей собой неверие. Фольклорная традиция связывала ад, преисподнюю с пропастью, дном реки (А.Л. Юрганов).

Такое построение кажется искусственным. Утопление в Волхове не было, конечно же, основным способом казни новгородцев во время опричного разгрома. Палачи топили некоторых осужденных не потому, что вода была символом неверия, а потому, что издревле это был один из самых жестоких способов расправы.

Место суда, Городище, располагалось вдали от Новгорода, а между тем царь хотел преподать урок всему населению крамольного города. По этой причине опричники волокли некоторых осужденных — мужчин, женщин и детей — в центр города, на Волховский мост, чтобы казнить их на виду у всего города.

Грозный приказал опричным катам привязывать младенцев к матерям и «метати в реку». И новгородские, и немецкие источники одинаково описывают, как одни опричники сбрасывали связанных в воду, а другие разъезжали на лодке с топорами и рогатинами и топили тех, кому удавалось всплыть.

«Дело происходило зимой, — отмечают исследователи, — когда Волхов был покрыт льдом, и его, очевидно, пришлось специально разбивать». Может быть, опричники делали это под влиянием своих эсхатологических представлений? Свободно разъезжать в проруби на лодках было мудрено, это потребовало бы непомерного труда. Знакомство с водным режимом Волхова проясняет дело. Даже в суровые зимы под

Волховским мостом, в истоках Волхова, сохранялись огромные полыньи.

• Летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию на Городище. То были новгородские дьяки и подьячие, местные помещики, богатые купцы, архиепископские бояре и дети боярские.

Среди других аресту подверглись богатые купцы Сырковы. Эта семья переселилась из Москвы в Новгород при Иване III. В годы правления Адашева Федор Сырков получил чин дьяка и возглавил приказное управление Новгорода. Сырковы были предтечей будущих российских купцов-меценатов. На собственные средства они построили в Новгороде несколько церквей. Федор Сырков участвовал в работах по составлению «Великих Миней Четых». Когда писцы «повелением царя» приступили к изготовлению экземпляра «Миней Четых» для Москвы и при этом один из них, Мокий, проявил нерадение, было ему тогда «прещение велико с яростию от Федора от Сыркова».

Опричники подвергли Федора пыткам, чтобы завладеть его деньгами. Купца бросили в ледяную воду, а затем вытащили на берег. После этого царь почтил образованного дьяка личной беседой касательно ада и смерти. Грозный задал жертве насмешливый вопрос: не видел ли он чего-нибудь в реке? Несчастный отвечал, что видел там злых духов, которые вот-вот заберут душу из его (царя) тела. По другой, более поздней версии, старик сказал, что побывал «в аду, где видел, что для него, Васильевича, там уже готово место».

У Сыркова было изъято 12 000 рублей серебром. Под конец Грозный велел поставить купца по колени в котел и сварил на медленном огне.

Жертвами судилища стали примерно 211 помещиков и 137 их домочадцев, 45 дьяков и приказных и примерно столько же членов их семей. Дьяки и подьячие по общему правилу владели поместьями в Новгороде. Опричники с достойным педантизмом перебили сначала всех семейных подьячих с их женами и детьми, а затем холостых. Эти последние фигурируют в

Синодике под общим заголовком «Новгородские подьячие неженатые».

Суд над главными новгородскими «заговорщиками» в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. Опричные следователи и судьи действовали ускоренными методами, но и при этом они не могли допросить, подвергнуть пыткам, провести очные ставки, записать показания и, наконец, казнить несколько сот людей за две-три недели. Всего вероятнее, суд на Городище продолжался три-четыре недели и завершился в конце января. С этого момента новгородское «дело» вступило во вторую фазу. Описав расправу на Городище, местный летописец замечает: «По скончании того государь со своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям».

Считая вину черного духовенства доказанной, царь решил посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради богомолья, а для того, чтобы самолично присутствовать при изъятии казны, заблаговременно опечатанной опричниками. Сопровождавший царя Генрих Штаден пишет: «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству». Опричники забирали деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство, секли скотину. Настоятелей и соборных старцев били по пяткам палками с утра до вечера, требуя с них особую мзду. В итоге опричного разгрома черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли бесценные сокровища Софийского дома. По данным новгородских летописей, опричники конфисковали казну также у 27 богатейших монастырей. В некоторых из них Грозный побывал лично. Царский объезд занял, самое малое, несколько дней, может быть, неделю.

Участники опричного похода и новгородские авторы-очевидцы единодушно свидетельствуют о том, что новгородский посад жил своей обычной жизнью, пока царь занят был судом на Городище и монастырями. В это время нормально функционировали городские рынки, на которых опричники имели воз-

возможность продавать награбленное имущество. Положение изменилось после окончания суда и монастырского объезда.

Внимательное чтение источников опровергает традиционное представление, будто опричники пять-шесть недель непрерывно громили посад. На самом деле царь закончил суд над монахами за несколько дней до отъезда в Псков. В эти дни опричники и произвели форменное нападение на город.

Не следует думать, что превосходно вооруженное новгородское дворянство спокойно наблюдало за насилиями опричников. Московский дворянин Митнев посреди пира во дворце обличил тиранию царя. Среди новгородцев, надо думать, также нашлось немало мужественных людей. На Пыточном дворе монарху приходилось выслушивать не одни мольбы о пощаде. Его проклинали, ему грозили возмездием на том свете.

Опричнину окружала стена ненависти. Генриху Штадену пришлось оказать помощь нескольким опричникам, которых преследовали земцы. Опричные мародеры получили отпор и принуждены были спастись бегством. Сам Штаден прекратил свой поход по Новгородской земле, услышав, что земские люди побили большой отряд опричных стрельцов. Бравый немец-опричник многократно преувеличил численность отряда, будто бы насчитывавшего 300 человек. Но не в его манере было выдумывать такого рода подробности.

По мере разрастания террора ширилось сопротивление сильным. Грозный видел в этом подтверждение своих подозрений насчет всеобщей измены.

Стремясь предварить неблагоприятный поворот событий, Грозный отдал приказ о разгроме Новгорода, а также разослал отряды опричников в разные концы Новгородской земли. Террор имел целью пресечь в корне самую возможность сопротивления.

Опричники разграбили новгородский торг и поделили все ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенных для торговли с Западом. Ограблению под-

верглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода.

Опричные санкции против посада преследовали две основные цели. Первая состояла в том, чтобы пополнить опричную казну, а вторая — в том, чтобы терроризировать население. В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного населения сделали самое понятие «опричина» синонимом произвола и беззакония.

Вопреки обычным представлениям Малюта Скуратов из-за тяжелой раны не мог участвовать в разгроме Новгорода. Грозный сам руководил резней.

Разделавшись с новгородцами, опричное воинство двинулось к Пскову. Приезд царя всегда воспринимался в Пскове как великий праздник. И на этот раз жители города следовали обычаю. Город встретил опричную армию колокольным звоном. Люди накрывали столы и ставили их против своих дворов. В поле царя встречали воевода, дворяне и посадские люди с хлебом и солью. Впереди шествовал старший церковный иерарх, печерский игумен Корнилий и духовенство с крестами.

Царь пощадил Псков, но всю ярость обрушил на местных монахов. Он не тронул наместника Пимена в Пскове Неудачу Цыплятева, но велел отрубить голову Корнилию. Слободской игумен не простил печерскому его дружбы с Курбским. Лишился головы и ученый старец Вассиан Муромцев, некогда переписывавшийся с изменником-боярином.

Перед отъездом царь отдал город опричникам на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники оп-

ричного похода сообщали, будто на улицах Пскова Грозный встретил юродивого и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Церковники снабдили легенду о царе и юродивом множеством вымышленных подробностей. Блаженный будто бы поучал царя «ужасными словесы еже престати от веля кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя Божия церкви». Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. Возмездие не заставило себя ждать. Под царем пал конь: «Паде конь его лутчии по пророчеству святого».

Слова псковского летописца находят подтверждение в немецком «листе» 1572 г. В этом источнике слова юродивого переданы следующим образом: «Хватит мучить людей, уезжай в Москву, иначе лошадь, на которой ты приехал, не повезет тебя обратно». Пророчество Николы сбылось. Царь поспешно покинул «город» (крепость) и перебрался в посад. Там он стоял «немного и отыде к Москве». Но перед отъездом он все же «повеле грабити имения граждан», а «церковную казну по обителем и по церквам, иконы и кресты, и сосуды и книги, и колоколы пойма с собою».

Полоумный юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но пророчества Николы несколько не помешали антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков лишь после того, как ограбил до нитки псковское духовенство.

Псков избежал участи Новгорода по причинам, ускользавшим от внимания историков. Эти причины раскрылись благодаря реконструкции Синодика. После сдачи Изборска Грозный приказал вывести из Пскова всех изменников. Половина из них успела добраться до мест, отведенных им для поселения. Другую половину опричники нашли в Твери, в селе Медня и в Торжке. По приказу царя Малюта устроил псковичам кровавую бойню. Ивана вполне удовлетворила резня, и только потому он пощадил прочих жителей Пскова.

Опричники не оставили в покое опальных псковичей, доставленных в московские города. «За ними были разосланы гонцы». В черновике Описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминались «Наказы черные дворяном, как посыланы с Москвы в Слободу и по городом за псковичи...».

Согласно Синодику, в Пскове были убиты два городских приказчика, один подьячий и 30–40 детей боярских. Очевидно, приказные люди были выселены из города ранее и стали жертвами Малюты Скуратова.

Из Пскова Грозный уехал в Старицу, а оттуда в Слободу. Карательный поход был окончен.

Направление розыска об измене, как полагают, во многом определялось тем, что власть в Новгородской земле находилась в руках приказных людей, и «именно в приказных людях царь видел главных организаторов заговора» (Б.Н. Флоря).

Представим себе иерархию власти и особенности психологии людей Средневековья. Приказные чиновники при всем их влиянии были людьми неродословными. Они оставались канцелярскими служащими при Боярской думе. Власть в Новгороде принадлежала не им, а наместнику-боярину и воеводам из знатнейших фамилий России.

Ход и направление розыска об измене были определены убийством двух людей из числа первых лиц государства — царского брата князя Владимира и Филиппа Кольчева. Казнь внука Ивана III и Софьи Палеолог, казалось бы, должна была положить конец следствию. Но этого не произошло. Грозный поставил целью уничтожить всех сторонников убитого брата. Иначе ему невозможно было смыть с себя Каинovu печать.

Где следовало искать сторонников Владимира, было хорошо известно. И князь Владимир, и его отец князь Андрей Старицкий держали в Новгороде резиденцию, имели там вассалов и, будучи соседями новгородцев, пользовались их симпатиями.

Новгородское ополчение — «кованая рать» — насчитывало до двух-трех тысяч детей боярских. Влияние новгородско-

го дворянства было столь велико, что при любом кризисе претенденты на власть пытались заручиться его поддержкой.

В 1537 г. князь Андрей Старицкий поднял мятеж и двинулся к Новгороду, рассчитывая на его поддержку. После подавления мятежа 30 новгородских помещиков, отъехавших к удельному князю, были повешены на большой дороге от Новгорода до Москвы. В числе казненных было несколько Колычевых. Молодой в то время Федор Колычев, будущий митрополит, спасаясь от виселицы, бежал на Север и принял там постриг.

На соборе 1566 г. новгородское дворянство имело больше представителей, чем столица. По крайней мере некоторые из этих новгородцев поддержали выступление конюшего Федорова против опричнины и затем были казнены по его делу. «Заговорщикам» вменяли в вину то, что они хотели посадить на трон князя Владимира.

Новгородский летописец, хорошо знавший местные настроения, отметил, что после смерти Владимира многие люди «восплакашася» по нему. Опричное сыскное ведомство затратило много усилий, чтобы выявить и уничтожить всех новгородских помещиков, симпатизировавших князю Владимиру.

Новгородские дьяки не были главными фигурами новгородского процесса. Синодик опальных свидетельствует об этом с полной определенностью. По иронии судьбы имя главного из новгородских «заговорщиков» кануло в Лету. Из всех современников Грозного один Шлихтинг ненароком обмолвился о нем. Но рассказ его не слишком определен. Вкратце он сводится к следующему. У некоего Василия Дмитриевича (фамилии его Шлихтинг не знал) служили литовские пленники-пушкарки. Они пытались бежать на родину, но были пойманы и под пытками показали, будто бежали с ведома господина. Опричники вздернули на дыбу Василия Дмитриевича, и тот повинился в измене в пользу польского короля.

Царь велел казнить боярина, но прежде обратился к нему с насмешливой речью: «Отправляйся к польскому королю, к которому ты собирался отправиться, вот у тебя есть лошадь и

телега». Данилов был едва жив после перенесенных пыток. Его привязали к повозке и погнали лошадь, предварительно ослепленную. В конце концов боярин был утоплен в воде вместе с повозкой и лошадью.

Даниловы принадлежали к первостатейной боярской знати. Они вели свой род от смоленских князей, нашедших прибежище в Германии, а потом выехавших «из немец» на службу к Ивану Калите.

Боярин Василий Данилов играл в земщине выдающуюся роль. После учреждения опричнины он стал помощником конящего Федорова в московской боярской комиссии. По словам Шлихтинга, Данилов служил в Москве «начальником над воинскими орудиями» и в его ведении находились пушкари. Пушкарский приказ возник, как считают, позже, но в московских документах «Пушечные избы» и «пушечные приказчики» упоминались уже в 1570 г.

Шлихтинг описал гибель Василия Дмитриевича как вполне заурядное происшествие. Однако русские документы позволяют установить, что автор «Сказаний» умолчал о самом важном — участии боярина в заговоре, имевшем целью отравить царя и посадить на его место князя Владимира.

Умолчание характерно для всего сочинения Шлихтинга. Польский шляхтич адресовал свое сочинение королю и старательно подчеркивал все, что возвеличивало его, например, сведения о стремлении русских бояр и знати перейти на королевскую службу и передать королю пограничные города. Вторая задача Шлихтинга состояла в том, чтобы обличить тиранию царя. Признание того, что заговорщики хотели отравить монарха, отнимало почву у таких обличений. Тех, кто покушался на жизнь государя, казнили самым жестоким образом по всей Европе.

В Синодике находим следующую запись: «Василия Дмитриевича Данилова, Андрея Безсонов дьяк, Васильевых людей Дмитриевых два немчина: Максима летвин, Роп немчин... Козьминых людей Румянцева... архиепископля сына боярского Третьяка Пешкова... дьяк Юрия Сидоров... Ивана Сысоев княж Владимиров сын боярский... дьяк Иона Юрьев» и пр.

Данилова окружают лица, связанные с заговором в Пскове и Новгороде: псковский дьяк Юрий Сидоров, новгородский дьяк Андрей Безсонов-Монастырев, слуги новгородского дьяка Кузьмы Румянцева и, наконец, «люди» боярина Данилова. Синодик не оставляет сомнений в том, что знаменитый земский боярин был казнен по новгородскому изменному делу.

Указание на слуг боярина представляет особый интерес. Источники дают возможность проверить показания Синодика и рассказ Шлихтинга. В описи царского архива 70-х годов XVI в. упомянут подлинный архивный документ — отписка «ко государю в Васильеве деле Дмитриева о пушкарях о беглых о Мишках». Из отписки царь впервые узнал о поимке беглых пушкарей — слуг Василия Дмитриевича. Слуги Данилова — беглый литовский пленник Максим (в русской транскрипции «пушкарь Мишка») и Роп немчин, упомянутые в Синодике, оклеветали боярина, но сами разделили участь своей жертвы.

Синодик позволяет проследить за тем, как зарождалось «дело» Данилова. Двое пушкарей, Ларион и Неустрой, были казнены вместе с поваром Молявой и подьячим Свиязовым перед отравлением князя Владимира. Иначе говоря, тень подозрения пала на ведомство Данилова еще во время подготовки суда над Старицким.

«...В подавляющем большинстве случаев мы не знаем, за что казнены были люди, имена которых встречаются в перечне Синодика, сообщениях иностранцев и сочинении Курбского» (Б.Н. Флоря). Суммарная оценка столь разнородных источников не может удовлетворить нас. Трудно найти более тенденциозный источник, чем «История» Курбского. Нет более надежного источника по истории террора, чем Синодик — конспект утраченного опричного архива. Синодик позволяет установить не только причины, но и многие обстоятельства гибели опальных. Следует подчеркнуть, что речь идет не о толках или рассказах с чужих слов, а о выписках из подлинных опричных судебных документов.

Выписки Синодика вводят нас в самый центр грандиозного политического процесса, получившего наименование «нов-

городского изменного дела». Синодик позволяет установить, что главной фигурой этого процесса был Василий Дмитриевич Данилов, глава одного из приказных ведомств столицы.

Изборское дело подорвало доверие Грозного к своим «верникам» — дьякам, «писарям». Дело Данилова укрепило его подозрения. В известной мере это дело предопределило судьбу шести главных московских дьяков. В Новгороде вместе с Даниловым был казнен один из видных столичных дьяков — Иван Юрьев. В Дворовой тетради середины XVI в. он был записан как «большой дьяк». В этом чине Юрьев присутствовал на Земском соборе 1566 г.

Дело об отравлении царской семьи оставалось главным стержнем новгородского процесса. Вместе с Даниловым на Городище был казнен слуга князя Владимира новгородский помещик, сын боярский Иван Сысоев.

Из слуг архиепископа Пимена вместе с Даниловым погиб сын боярский Третьяк Пешков, лицо второстепенное. Владычные бояре, дьяки и прочие высокопоставленные члены Софийской администрации были арестованы, но их казнь была отложена.

В дни новгородского разгрома Грозный уведомил митрополита Кирилла об «измене» новгородского архиепископа. Глава церкви и епископы поспешили публично осудить жертвы опричнины. Они отправили царю сообщение, что приговорили «на соборе новгородцкому архиепископу Пимену против государевы грамоты за его безчинье священная не действовать». Пимен был выдан опричнине головой. Высшее духовенство переусердствовало, угождая светским властям. В новом послании Кириллу царь предложил не лишать Пимена архиепископского сана «до подлинного сыску и до соборного уложения».

Вопреки традиционному мнению суд над Пименом вовсе не был центральным эпизодом государева разгрома Новгорода. Как раз наоборот, подлинный сыск по делу архиепископа опричники решили перенести на московскую почву, чтобы изобличить московских участников заговора и преподать урок

боярской Москве. Там Пимену и его окружению предстояло держать ответ за мнимый заговор. Там же предполагалось провести публичную казнь главных изменников.

Тотчас после расправы над новгородцами Посольский приказ составил подробный наказ для русских дипломатов в Польше. Если поляки спросят о казнях в Новгороде, значилось в наказе, то на их вопрос должно отвечать ехидным контрвопросом: «Али вам то ведомо?» и «Коли вам то ведомо, а нам что и сказывати? О котором есте лихом деле с государскими изменники через лазучьством ссылались и Бог ту измену государю нашему объявил и потому над теми изменниками так и ссталось».

В дни новгородского разгрома в Москву прибыл с польским посольством венецианец аббат Джерио. Ему удалось собрать ценные сведения о только что происшедших событиях. По словам аббата, царь разорил Новгород «вследствие поимки гонца с изменническим письмом».

Приведенные выше известия, исходившие от дипломатов, принадлежат к числу самых ранних и достоверных свидетельств. Источник более позднего происхождения — новгородская летопись сохранила предание о лазутчике Петре Волынце (Волынь была польской провинцией), будто бы явившемся главным виновником трагедии. «Некий волынец волочащей именем Петр», проникший в Россию как бродяга, подделал грамоту за подписями архиепископа, всех первейших дворян и «граждан» Новгорода о желании их предаться польскому королю, подбросил эту грамоту в Софийский собор и тут же подал донос Грозному. Новгородцы, которым предъявлена была грамота Петра, растерянно сказали: «От подписей рук наших отпереться не можем, но что мы королю польскому поддаться хотели или думали, того никогда не было». Результатом явился новгородский погром. Так излагал события поздний летописец, переложивший вину за трагедию с царя на бродягу.

Авторитетные документы времени Грозного позволяют уточнить историю о литовском лазутчике и доставленном им письме. Согласно архивной описи 70-х годов XVI в., в царском

архиве хранилась отписка «из Новгорода от дьяков Андрея Безсонова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти». Названные в отписке лица были главными дьяками Новгорода, казненными за измену в пользу польского короля.

Конюший Федоров поспешил выдать литовского лазутчика царю. Так же поступили новгородские дьяки в 1569 г. Они сами известили государя о «польской памяти». Скорее всего «память» попала к ним в руки в виде подметного письма. Иначе имя пойманного лазутчика запечатлелось бы в дипломатической переписке и в Синодике.

Царь счел «польскую память» достаточным доказательством измены неверных новгородцев.

Источники позволяют объяснить, как псковское дело окончательно превратилось в новгородское изменное дело. Решающее значение имело, по-видимому, внешнее вмешательство.

Литовское подметное письмо носило откровенно провокационный характер. Литовцы постарались скомпрометировать в глазах опричных руководителей их же угодника и пособника архиепископа Пимена как главу заговора. В иных условиях царь не придал бы значения фальшивке. Но навет пал на подготовленную почву.

Конфликт с церковью не был исчерпан. Духовенство негодовало, расценивая низложение Филиппа как недопустимое вмешательство в церковные дела. Фактически с согласия царя Малюта задушил низложенного Филиппа. Об этом страшном преступлении вскоре заговорила вся Россия. Слободской игумен одержал верх над соловецким. Но моральная победа досталась тому, кто принял мученическую смерть во имя спасения ни в чем не повинных душ.

Известная автономия церкви наносила в глазах самодержца ущерб полноте его власти. Чтобы утвердить неограниченную личную власть, ему необходимо было лишить церковь и тени самостоятельности. Для этого надо было вновь прибегнуть к репрессиям. Жертвой был избран Пимен, второе лицо в церковной иерархии. Старое опричное руководство не могло помочь своему приспешнику, так как само стояло на пороге падения.

Чтобы заглушить голоса недовольных и замести следы преступления, не было иного средства, кроме нового громкого дела и полного подчинения церкви.

Усилия литовской секретной службы увенчались полным успехом, потому что Грозный получил удобный повод для осуществления своих тайных замыслов. Чтобы окончательно развязать себе руки, царь спешно заключил перемирие и через своих послов самонадеянно заявил полякам, что ему сам Бог открыл их сговор с новгородцами.

Сличение Синодика с другими ранними документами обнаруживает многие неизвестные ранее факты. Мифический бродяга Петр Волынец принужден уступить место знаменитому боярину Данилову. По существу, новгородское дело повторило в более широких масштабах дело о заговоре Челяднина. В одном случае удар обрушился на головы митрополита и конюшего, в другом — на архиепископа новгородского и боярина Данилова. Как и в деле Челяднина, правительство искало сторонников князя Владимира Андреевича, участников заговора, преимущественно в среде нетитулованной старомосковской знати. В Новгороде погибли Василий Бутурлин, Григорий Волинский, несколько Плещеевых. Вопреки целям и стремлениям вождей опричная политика окончательно утратила первоначальную антикняжескую направленность. Новгородское дело завершило второй цикл замены боярского руководства земщины.

Участников «заговора» боярина Данилова обвинили в двух преступлениях. Они будто бы хотели «Новгород и Псков одати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышленьем извести (попросту говоря, отравить. — *Р.С.*), а на государство посадити князя Володимера Ондреевича». Нетрудно заметить, что официальная версия объединяла два взаимоисключающих обвинения. Если новгородцы надеялись посадить на трон удобное им лицо — двоюродного брата царя, то, спрашивается, зачем надо было им «подаваться» в Литву под власть чужеземного государя? Подобный простой вопрос, видимо, не особенно затруднял тех, кто руководил розыском.

Современники утверждали, будто в новгородском погроме погибло то ли 20 000, то ли 60 000 человек. Лет сто назад историки попытались уточнить масштабы трагедии. Поскольку, рассуждали они, опричники избивали в день в среднем тысячу новгородцев (эту цифру сообщает летописец), а экзекуция длилась пять недель, значит, погибло около 40 000 человек. Приведенная цифра лишена и тени достоверности. В основе расчета лежат ошибочные исходные данные. Сведения летописи о гибели тысячи человек в день, очевидно, являются плодом фантазии летописца. Неверно также и представление о том, что разгром посада длился пять недель. Помимо всего прочего, опричники не могли истребить в Новгороде 40 000 человек, так как даже в пору расцвета его население не превышало 25 000—30 000. Ко времени погрома из-за страшного голода множество горожан покинуло посад либо умерло голодной смертью.

Самые точные данные о новгородском разгроме сообщает Синодик опальных. В документе значатся имена и прозвания нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. Суммируя данные опричного архива, отразившиеся в Синодике, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло от 2000 до 3000 человек.

Опричный разгром не затронул толщи сельского населения Новгорода. Разорение новгородской деревни началось задолго до нашествия опричников. Погром усугубил бедствие, но сам по себе не мог быть причиной упадка Новгородской земли.

Санкции против церкви и богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода продиктованы были скорее всего корыстными интересами опричной казны. Непрерывавшаяся война и дорогостоящие опричные затеи требовали от правительства огромных средств. Государственная казна была между тем пуста. Испытывая финансовую нужду, власти все чаще обращали взоры в сторону обладателя самых крупных богатств — церкви. Но духовенство не желало поступаться своим имуществом. Суд над митрополитом Филиппом нанес сильнейший удар пре-

стижу церкви. Опричное правительство использовало это обстоятельство, чтобы наложить руку на богатства новгородской церкви. «Изменное дело» послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства. Но опричина вовсе не ставила целью подорвать влияние церкви. Она не осмелилась наложить руку на главное богатство церкви — ее земли.

Архиепископ Пимен, постриженник Адриановой пустыни на Ладожском озере, был, по словам Курбского, святителем «чистаго и жестокаго жительствова». Аскетизм не помешал ему угодничать перед царем. Именно он возглавил депутацию в Александровскую слободу после отречения царя. Он же помог низложить Филиппа Колычева. Невзирая на заслуги Пимена перед опричниной, он был объявлен изменником и подвергнут позору. Престарелого владыку посадили на кобылу задом наперед, дали ему в руки скомороший инструмент — волынку и в таком виде повезли из Новгорода в Москву. Царь неплохо знал византийскую историю и, должно быть, вспомнил, что именно так византийские императоры наказывали константинопольских патриархов, замешанных в заговорах против власти.

Опричники увезли из Новгорода богатую архиепископскую казну, святость — знаменитые иконы, а также колокола, врата и драгоценную утварь из Софийского собора.

Государев разгром нанес большой ущерб посадскому населению Новгорода, Пскова, Твери, Ладоги. Торговля Новгорода с западноевропейскими странами была подорвана на многие годы. Но санкции опричнины против посада носили скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, чем поголовное истребление населения. В исследованиях последних десятилетий разгром Новгорода получил двойственную оценку. Отметив варварский, разбойный характер опричных санкций, А.А. Зимин в то же время усматривал в сокрушении Новгорода определенную историческую закономерность, поскольку «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода явилась необходимым условием заверше-

ния борьбы с политической раздробленностью страны». Согласиться с подобной оценкой никак нельзя. Путь к преодолению экономической обособленности лежал не через резню и погромы, а через экономический подъем, развитие торговых связей между Новгородом и прочими русскими землями. Можно ли считать Новгород второй половины XVI в. важным форпостом удельной децентрализации? Факты ставят под сомнение этот вывод. Уже в период ликвидации Новгородской республики в конце XV в. московские власти экспроприировали всех местных землевладельцев (бояр, купцов и «житых людей» — мелких землевладельцев). На этих землях водворились московские служилые люди — помещики.

Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгородской земле прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель. Влияние новгородской церкви и приказных людей на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х годов. Местный приказной аппарат, целиком зависевший от центральной власти, служил верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. Несмотря на безусловную лояльность архиепископа Пимена и новгородской администрации, царь Иван и его сподвижники не доверяли новгородцам и недолюбливали Новгород.

Опричнина умножила опасные симптомы недовольства в среде земских дворян Новгорода. Царь закрыл новгородцам доступ на опричную службу, и они испытали на себе произвол опричнины. Неудивительно, что уже в первых опричных процессах замелькали имена новгородцев.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество Москвы и Новгорода. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской зем-

ле, связанное с экономическим упадком конца 60-х годов. В жизни некогда независимых республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения конца XV в. не затронули основного посадского населения — «меньших людей», оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями власть имущих. С давних пор авторитет московской администрации в Новгороде стоял на весьма низком уровне, подтверждением чему может служить «Сказание о градах» — старинный памятник новгородского происхождения. В Новгороде, читаем там, царят всевозможные непорядки, самый большой из них — непослушание и буйство «меньших» людей: бояре в Новгороде «меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают, а люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их Бог блюдет за их глупость». Приведенные строки из старинного «Сказания» не утратили актуальности ко времени опричнины. Пресловутый новгородский сепаратизм был лишь побочным продуктом глубоких социальных противоречий. Голод, охвативший Новгород накануне опричного нашествия, усилил повсюду элементы недовольства. Опричные власти сознавали опасность положения и пытались бороться с ним, учиняя дикие погромы и усиливая террор против низов.